

Т.Б. РАДБИЛЬ

г. Нижний Новгород, Россия

timur@radbil.ru

УДК 81'42:821.161.1-1(Мандельштам О.)

ЯЗЫКОВАЯ АНОМАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР КОНДЕНСАЦИИ СМЫСЛА В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА ПОЭЗИИ ОСИПА МАНДЕЛЬШТАМА)

Аннотация. В работе обсуждается лингвокреативный потенциал языковых аномалий в художественном тексте на материале языка поэзии О. Мандельштама. Механизмы языковой аномальности разного рода напрямую участвуют в создании такого эстетически значимого эффекта в идиостиле О. Мандельштама, который мы именуем «конденсация смысла». В работе рассматриваются три вида языковых аномалий: аномалии лексико-семантические, которые связаны с сочетанием несочетающихся слов; словообразовательные, которые связаны с процессами неологического словообразования потенциальных слов и окказионализмов; грамматические, которые связаны с процессами неузуальной реализации грамматической формы (аномалии грамматической парадигматики) или неузуальной реализации грамматической сочетаемости, заполнении валентностей и под. (аномалии грамматической синтагматики). Прагматические функции языковых аномалий в языке поэзии О. Мандельштама состоят в установке на разрушение автоматизма восприятия, на неконвенциональное употребление узальных единиц и моделей языка, на «нарушение читательского ожидания» (Р.О. Якобсон). Когнитивные функции языковых аномалий заключаются в том, что они служат единственно возможным средством концептуализации и художественного осмысления сложной и внутренне противоречивой действительности, негармоничных, болезненных состояний внутреннего мира.

Ключевые слова: идиостиль, О. Мандельштам, лингвокреативность, языковые аномалии, конденсация смысла, поэтический дискурс, язык русской поэзии XX в., русские поэты, поэтическое творчество, поэтические жанры, поэтический язык.

RADBIL TIMUR B.

Nizhny Novgorod, Russia

LANGUAGE ANOMALY AS A FACTOR OF SENSE CONDENSATION IN A POETIC TEXT (BY THE MATERIAL OF THE LANGUAGE OF OSIP MANDELSHTAM'S POETRY)

Abstract. The paper discusses the linguo-creative potential of language anomalies in a literary text based on the language of O. Mandelstam's poetry. The mechanisms of language anomaly of various kinds are directly involved in creating such an aesthetically significant effect in the idiosyncrasy of O. Mandelstam, which we call "meaning condensation". The paper considers three types of language anomalies: lexical-semantic anomalies, which are associated with a combination of incompatible words; word-formation, which are associated with the processes of neological word-formation of potential words and occasional derivatives; grammatical, which are associated with the processes of non-usual implementation of the grammatical form (paradigmatic grammatical anomalies) or non-usual implementation of grammatical compatibility, filling in valences, etc. (syntagmatic grammatical anomalies). The pragmatic functions of language anomalies in the language of O. Mandelstam's poetry consist in setting the destruction of the automaticity of perception, the unconventional use of usual units and models of language, and the "violation of the reader's expectation" (R.O. Jakobson). The cognitive functions of language anomalies lie in the fact that they serve as the only possible means of conceptualization and art comprehension of a complex and internally contradictory reality, inharmonious, painful states of the inner world.

Keywords: O. Mandelstam's idiosyncrasy, lingual creativity, language anomalies, sense condensation, poetic discourse, the language of Russian poetry of the 20th century.

В статье представлен очередной этап предпринятого нами исследования в области лингвокреативного потенциала языковых аномалий в художественном тексте на новом материале языка поэзии Осипа Мандельштама. Методологической основой исследования выступают научные идеи общей теории аномальности [Радбиль 2012], принципы комплексного изучения активных процессов в русском языке в аспекте их лингвокреативности [Радбиль 2016; Радбиль и др. 2021], лингвокогнитивной и лингвокультурологической интерпретации инновационных тен-

денций [Радбиль 2016; Социокультурные и прагматические аспекты 2018].

Практически общим местом в лингвопоэтических штудиях является представление о повышенной смысловой емкости, насыщенности, нагруженности слова в поэзии [Ларин 1974]. Мы исходим из предположения, что одним из факторов указанной смысловой емкости являются разнообразные механизмы языковой аномальности. В общем виде языковую аномалию можно понимать, вслед за Ю.Д. Апресяном, как «нарушение правила употребления какой-то языковой или текстовой единицы» [Апресян 1990: 50]. Однако в ряде случаев различия между языковой аномалией и стилистическим приемом коренятся лишь в интенциональности автора, но не в самих моделях отклонения от того или иного правила, которые в этих случаях сходны [Апресян 1995]. Как показано в наших работах [Радбиль 2012; Радбиль 2017], языковая аномалия всегда относительна, так как устанавливается только по отношению к какой-либо точке отсчета: явление, аномальное в одном плане, представляется совершенно нормальным, уместным в другом. Особенно это справедливо для поэтической речи, применительно к которой даже как-то и не хочется называть эти явления аномалиями. Часто мы предпочитаем в этих случаях говорить о семантических сдвигах, смысловых преобразованиях и т.д.

Языковая аномалия как отклонение от правил или норм вовсе не перечеркивает само правило или норму: «Возможность отклонений от языковых правил в речевой практике как бы предусмотрена самими правилами» [Булыгина, Шмелев 1997: 439]. Поэтому языковая аномалия часто может быть мотивирована — семантически осмыслена, прагматически уместна, коммуникативно адекватна и т.д. [Апресян 1995]. Художественная практика как никакая иная предлагает определенные коммуникативные условия, которые как бы способствуют «включению» механизма аномализации в речевой практике, потому что данные механизмы обладают существенным потенциалом выразительности и лингвокреативности. Все это в полной мере относится и к поэзии Осипа Мандельштама, для которой особая смысловая сгу-

ценность, особая смысловая нагруженность слова считается стилеобразующими и текстообразующим фактором.

Далее мы покажем, как механизмы языковой аномальности разного рода напрямую участвуют в создании такого эстетически значимого эффекта в идиостиле Осипа Мандельштама, который мы именуем «конденсация смысла». Речь идет о реализации целого комплекса узуальных и неuzuальных значений, а также семантических ассоциаций, которыми обрастает слово в микроконтексте и которые реализуются одновременно, а не так, как в режиме внехудожественного использования языка, когда облигаторно выбирается лишь одно значение из возможных.

Как это работает, можно показать на следующем примере: *Как будто холода рассадник // Открылся в лапчатой Москве!* («Московский дождик», 1922). — Здесь семантическая емкость эпитета *лапчатый* достигается совмещением самых разных, так сказать, разноприродных смыслов, которые не распределяются, не дифференцируются в контексте, а, напротив, соприисутствуют в нем одновременно. Итак, почему же Москва — *лапчатая*? Значение переносное ‘похожий на лапу’ явно отнесено не к Москве, а к наблюдаемому лирическим героем фрагменту городского пейзажа. Возможно, капли дождя оставляют следы, ассоциирующиеся со следами лапок птиц. Возможно, как стройные линии следов от птичьих лапок воспринимаются какие-то элементы городского интерьера — брусчатка, стены с определенным покрытием, ограды, мосты. Возможно, здесь *лапчатый* — тот, по которому проходит ежедневно много лап, т.е. человеческих ног, лошадиных копыт, птичьих, собачьих и кошачьих лап (забегая несколько вперед, отметим, что этот смысл подсвечивается неодериватом Мандельштама *разлапца бульваров* в другом стихотворении). Прямое значение ‘имеющий лапы с перепонками’, возможно, ложится в основу метафорического образа, когда сам городской пейзаж, воспринимаемый чрез завесу дождя, ассоциируется по каким-то признакам у лирического героя как нечто, имеющее лапы с перепонками. В качестве дальней ассоциации можно допустить и коннотацию, реализованную в обральной семантике просторечного фразеологизма *гусь лапчатый* ‘о хитром, ловком человеке, пройдохе’. Москва — город с хит-

рецей, с лукавинкой: в нашей культуре известна модель стереотипного восприятия ее жителей как народа ушлого, которому палец в рот не клади (вспомним и пословицу: *Москва слезам не верит*).

В этой статье мы коснемся лишь трех видов языковых аномалий: аномалии **лексико-семантические**, **словообразовательные** и **грамматические**, памятуя о том, что обычно, применительно к художественному тексту, скорее всего, можно говорить о комплексной актуализации аномалий разных уровней языка в пределах одного микроконтекста.

Лексико-семантические аномалии. В основном они связаны с сочетанием несочетающихся слов. Эффект «конденсации смысла» можно продемонстрировать на следующей знаменитой метафоре Осипа Мандельштама: *Уж до чего шероховато время* («Полночь в Москве...», 1931). — Здесь одновременно, благодаря использованию механизма концептуальной метафоры по модели овеществления абстракции [Лакофф, Джонсон 2004], представлено как прямое значение «шероховатый» 'негладкий, с мелкими неровностями, бугорками; шершавый', так и переносное 'закрывающий в себе какие-нибудь изъяны, чем-нибудь затрудненный', в силу которого и порождается негативная коннотация. Однако в данном контексте возникает еще одно приращение смысла, связанное с включением позиции наблюдателя, концептуализатора. Ведь *шероховатой* безобразная абстрактная сущность может быть признана лишь в ракурсе восприятия, данный признак приписывается объекту за счет перцептивной модальной рамки 'я ощущаю / воспринимаю нечто как X'. Такие признаки вещей в концепции Дж. Лакоффа и М. Джонсона именуются «интерактивные характеристики» [Лакофф, Джонсон 2004], в норме отражающие не объективные свойства объекта, а особенности его восприятия. В наших работах механизм одномоментной реализации дескрипции объекта и точки зрения на него трактуется как «скрытая предикация». В таких словах выделяется своего рода **диктумная часть**, актуализующая номинативное содержание понятия, и **модусная часть**, представляющая точку зрения говорящего на объект номинации [Радбиль 2017]. Сами же контексты как результаты реализации дан-

ного когнитивного механизма мы предлагаем называть «**эмпатийные контексты**». Возвращаясь к шероховатости времени, отметим, что несколько сниженная оценка хода времени вообще для Мандельштама свойственна. Время как бы сопротивляется человеку. Идея «сопротивления времени» выражается в том, что оно, по мнению поэта, течет неплавно, как-то не так, неправильно, «против человека», задевая человека своими неровностями, мешая ему жить. Время можно попытаться одолеть в редкие моменты откровения, догнать, поймать, о чем свидетельствует и следующая строка: *А все-таки люблю за хвост его ловить*. Но в целом восприятие времени у Мандельштам в негативном ключе — читаем далее, уже без всяких эмпатийных контекстов: *Ведь в беге собственном оно не виновато // Да, кажется, чуть-чуть жуликовато...*

«Эмпатийные контексты» как аномалии лексической сочетаемости в изобилии представлены в знаменитых эпитетах Осипа Мандельштама.

(1) «Эмпатийный контекст», обыгрывающий особенности слухового восприятия наблюдателем: *Я на лестнице черной жи-ву, и в висок // Ударяет мне **вырванный с мясом** звонок* («Я вернулся в мой город», 1930). — В этих известных строках мы снова видим актуализацию модели концептуальной метафоры по типу овеществления абстракции. Фразеологизм *вырвать с мясом* имеет достаточно узкое значение ‘оторвать (пуговицу, крючок и под.) вместе с материей, с куском ткани’. Здесь признак *вырванный с мясом*, конечно же, характеризует не сам звонок, а особенности восприятия ночного звонка как резкого, неприятного звука на фоне тишины (по ночам обычно сотрудники ГПУ ходили арестовывать жителей) в ситуации тревожного ожидания, атмосферы всеобщего страха (*в висок ударяет*), и это производит гнетущее впечатление, неприятное ощущение. Г.И. Кустова в подобных случаях говорит о субъектной импликации в когнитивной модели ситуации [Кустова 2004], когда семантический сдвиг связан с переносом номинации с описания состояния объекта с определенными свойствами на описание состояния самого экспериенцера.

(2) «Эмпатийный контекст», обыгрывающий особенности зрительного восприятия наблюдателем: *Я тебя никогда не увижу, // Близорукое армянское небо* «Армения», 11, 1931). — Непросто увидеть, что свойство 'быть близоруким' в реальности приписано не небу, а опять же — особенностям его восприятия. Субъект воспринимает небо нечетким, в расплывчатых очертаниях, словно в дымке; возможно, и сам цвет неба, как это бывает на юге в солнечную пору, неопределенный, как бы выгоревший. О том, что в эпитете закодированы именно особенности перцепции неба с точки зрения наблюдателя, находящегося непосредственно в хронотопе воспринимаемой картины, свидетельствуют и следующие строки: *И уже не взгляну, прищурясь, // На дорожный шатер Арарата.*

«Эмпатийные контексты» возможны не только на основе обыгрывания эффектов внешнего восприятия. В наших предыдущих работах рассматривались явления «ценностных сдвигов», когда посредством прилагательных с общеоценочной или частнооценочной семантикой атрибутируются объекты физического мира, вещи, предметы быта, артефакты, в норме оценке не подлежащие [Радбиль 2017]. У Мандельштама встречаем: *Захочешь пить — там есть вода такая // Из курдского источника Арзни — Хорошая, колючая, сухая // И самая правдивая вода* («В год тридцать первый от рожденья века...», 1931). — Эпитет *правдивый* также отнесен к воде не напрямую, а через оценочную сферу концептуализатора. *Правдивая* здесь — правильная, полностью соответствующая норме, с точки зрения говорящего, его представлениям о том, какой должна быть вода. Поэтому *правдивая вода* здесь — вода и прозрачная, и чистая, и холодная, хорошо утоляющая жажду в жаркий день.

«Конденсация смысла» при использовании механизмов лексико-семантической аномальности в идиостиле Мандельштама может порождаться одновременным столкновением в пределах одного контекста современного и архаического, малоизвестного значений слов: *Нам союзно лишь то, что избыточно, // Впереди — не провал, а промер, // И бороться за воздух прожиточный — // Это слава другим не в пример* («Стихи о неизвестном солдате», 1937). — Здесь в лексеме *избыточный* сталкивается совре-

менная семантика 'необходимый, достаточный для существования, жизни' и устаревшее значение 'предназначенный для проживания (*прожиточные именья*)'. Кроме этого, в данную конфигурацию смыслов вовлекается ассоциативный смысл 'необходимый для выживания, чтобы выжить', а в случае прочтения семантики лексемы *воздух* по модели метафорического расширения до обобщенного значения 'условия, среда существования' еще возможны смыслы, связанные с нормативно-оценочными коннотациями 'достойный, требуемый для подлинной духовной жизни и внутреннего развития личности'. В таких случаях можно говорить об обыгрывании этимологической памяти слова, истории развития его значений.

Словообразовательные аномалии. В основном они связаны с процессами неологического словообразования потенциальных слов и окказионализмов. О неодеривации в поэзии Мандельштама сказано уже много. Здесь я коснусь лишь некоторых показательных случаев, где посредством использования механизмов неузуального словообразования реально осуществляется эффект «конденсации смысла».

*Бывало, я, как помоложе, выйду // В проклеенном резиновом пальто // В широкую **разлапицу** бульваров...* («Полночь в Москве...», 1931). — Здесь *разлапица*, с одной стороны, обозначает множество путей, разбросанных по всей Москве бульваров. С другой стороны, на ассоциативном уровне имеются в виду и лапы (ветви) раскидистых деревьев, растущих на бульварах столицы. Также, возможно, реализуется и имплицитное представление о совокупности пешеходов, о толпах людей, снующих по всей Москве туда-сюда (восприятие толпы как многоногого (многолапого) существа).

*Голубой, **онелепленный**, пепельный, // В барабанном наросте домов, // Город...* («Рим», 1937). Здесь семантически емкое причастное новообразование *онелепленный* не просто означает 'тот, которого каузировали стать нелепым, сделали нелепым'. Нетрудно видеть, что в этом словоупотреблении нейтрализуются, т.е. реализуются диффузно разные значения исходного прилагательного *нелепый*: 'лишенный здравого смысла; неразумный, бессмысленный'; 'странный, несуразный'; 'неловкий, неуклю-

жий'. А еще, как это обычно бывает у Мандельштама, здесь, возможно, соприсутствие и этимологического значения нелепый 'некрасивый' и в другом архаическом значении 'не отвечающий приличиям, непристойный'.

И прадеда скрипкой гордится твой род. // От шейки ее хорошея, // И ты раскрывала свой аленький рот, // Смесь, итальянсья, русея... («Возможна ли женщине мертвой хвала?», 1935). — Здесь семантическая компрессия достигается за счет использования деепричастных конструкций на основе неодериватов, обозначающих динамику становления ситуационного, наблюдаемого как бы в режиме реального времени признака или состояния. Деепричастия здесь означают второстепенное действие по глаголам с нераспределенной в контексте диффузной семантикой: 'становиться похожей на итальянку / русскую'; 'вести себя, как это свойственно стереотипным итальянцам / русским'; 'притворяться итальянкой / русской'; 'стать итальянкой / русской по духу' и пр.

«Конденсация смысла» в поэзии Мандельштама часто обусловлена тем, что неодериват маркирует целый фрейм, в норме могущий быть обозначен лишь описательно, целым комплексом выражений. Это ярко проявляется в следующем примере: *О, бабочка, о, мусульманка, // В разрезанном саване вся — // Жизнеченочка и умиранка* («О, бабочка, о, мусульманка...», 1933). Неодериват *жизнеченочка* обладает всеми признаками рассмотренной выше «скрытой предикации»: в номинативную базу как в диктумную часть, выраженную производящей основой, входят нерасчлененные диффузные смыслы 'живая, живущая' (известно, что век бабочек недолог) и 'исполненная энергии, оживленная', а в модусную часть, выраженную уменьшительно-ласкательным суффиксом, входит положительно-оценочное отношение говорящего, эмпатия. Аналогично — *умиранка*: в диктумную часть входят нерасчлененные диффузные смыслы 'та, которая скоро умрет' и 'та, которая в изнеможении лишается сил, утрачивает жизненные силы', а в модусную часть входит личностно заинтересованное отношение говорящего к наблюдаемому объекту. В целом же оксюморонный оборот *жизнеченочка и умиранка* выражает целый комплекс смыслов фреймового

типа о мимолетности жизни и смерти, об их взаимообусловленности, и о восторженномприятии того и другого в качестве закона бытия, и, с другой стороны, о значимости каждого мгновения бытия, которое неповторимо, но преходяще, как кружение бабочки.

«Конденсация смысла» в идиостиле Осипа Мандельштама может быть связана с паронимической аттракцией, которая может формироваться, например, посредством словообразовательной анафоры: *Переуважена, перечерна, вся в холе, // Вся в холках маленьких, вся воздух и призор, // Вся рассыпаючись, вся образуя хор, — // Комочки влажные моей земли и воли...* («Чернозем», 1935). Здесь причастный неодериват *переуважена* возводится к глагольному неологическому каузативу *переуважить*, который, с одной стороны, означает что-то вроде ‘с избытком удобрена, возможно, неоднократно’ (т.е. земле как бы оказали уважение’, с другой — паронимически перекликается с *унавожена* в том же значении. Кроме того, здесь можно видеть и актуализацию этимологической памяти слова: современное *важный* восходит к многозначному *вага* — ‘тяжесть’, ‘вес’ и даже ‘борозда’ (как метонимия = результат приложения тяжести). Идею некой нужной, правильной, необходимой избыточности ухода за землей (черноземом) усиливается анафорическим *перечерна*, которое также употреблено с нераспределенной многозначностью ‘избыточно черная, т.е. тучная, плодородная’ и ‘перепажана дочерна’, т.е. обработана надлежащим образом.

В этом же стихотворении интересны неологизмы *настраживает* и *заябливает*, которые также реализованы по модели паронимической аттракции: *И все-таки, земля — проруха и обух. // Не умолить ее, как в ноги ей ни бухай: // Гниющей флейтой настраживает слух, // Кларнетом утренним заябливает ухо...* («Чернозем», 1935). Переходный каузативный глагол *настраживать* (слух) здесь — одновременно и ‘делать так, чтобы слух был настроже, т.е. с осторожностью прислушивался к звукам окружающей природы’, и ‘делать слух строгим, т.е. умеющим различать разные голоса природы’. Применительно к последнему значению очевидна контаминация на базе паронимической аттракции с глаголом *настраивать* (*инструменты*) примерно в

том же значении 'наладить строй чего-л.'. Каузативный глагол *заябливать* (ухо) также предполагает диффузные смыслы на базе 'делает зяблым, т.е. чувствительным к холоду', отсюда возможная импликация — 'делает чувствительным к любым стимулам со стороны внешней среды — в том числе звукам'. Также очевидна контаминация на базе паронимической аттракции с существительным зяблик, на фоне чего развивается смысл 'делает так, что ухо начинает различать пение зяблика', и — в плане расширительной импликации — других птиц.

Грамматические аномалии. В основном связаны с процессами неузуальной реализации грамматической формы (аномалии парадигматики) или неузуальной реализации грамматической сочетаемости, заполнении валентностей и под. (грамматическая синтагматика).

В плане аномальной грамматической парадигматики «конденсация смысла» в поэзии Мандельштама часто связана с неожиданной, странной субституцией ожидаемой формы формой другой. Примечателен в этом плане пример: *Я рожден в ночь с второго на третье // Января в девяносто одном. // Ненадежном году, и столетья // Окружают меня огнем* («Наливаются кровью аорты...», 1937). Интересно, что в начале стихотворения годы рожденья, как им и положено, представлены рядом порядковых числительных (*Я рожден в девяносто четвертом, // Я рожден в девяносто втором...*). Почему же год собственного рождения поэт обозначает количественным числительным? Вероятно, чтобы показать, что этот год в его восприятии вырывается из последовательного ряда обозначений дат, он становится конкретно-считаемым и чувственно воспринимаемым объектом, к нему применимы оценочные эпитеты (*ненадежный*), он может стать предметом эмпатии и пр.

О, бабочка, о, мусульманка, // В разрезанном саване вся — // Жизнечка и умиранка, // Такая большая, сия! («О, бабочка, о, мусульманка...», 1933). — Здесь эффект смысловой загруженности возникает посредством эксплуатации экспрессивного потенциала книжно-возвышенной устаревшей грамматической формы *сия* 'эта'. Перед нами снова явление «скрытой предикации»: в диктумной зоне можно видеть неузуальную адъектива-

цию указательного местоимения — переход его в полноценное оценочно-экспрессивное прилагательное (синтаксические условия перехода — помещение в контекст ряда постпозитивных обособленных однородных членов со словом *большая*), с неопределенной семантикой высокой степени проявления признака, качества, свойства (что-то типа *прекрасная*); в модусной зоне мы видим сложный комплекс оценочных реакций говорящего — от восхищения до иронии (иронический оттенок смысла придает современный узус употребления *сей* — в словарях помета *ирон.*). Это употребление тоже можно охарактеризовать как «эмпатийное».

В плане аномальной грамматической синтагматики «конденсация смысла» в поэзии Мандельштама часто связана с разнообразными нарушениями моделей управления. Так, аномальным является избыточное заполнение позиции субъекта состояния инфинитивами при глаголе *сниться* в примере: *Не разнять меня с жизнью, — ей снится // Убивать и сейчас же ласкать ...* («Заблудился я в небе...», 1937). Семантическая емкость неузальной конструкции **ей [жизни] снится убивать и ласкать* реализуется за счет аномального стяжения (компрессии) предикативной единицы — придаточного изъяснительного (← *ей снится, что она убивает и ласкает*), в результате чего достигается эффект «конденсации смысла».

В текстах Осипа Мандельштама также частотен прием «двойной категоризации действия», когда, например, избыточно фиксируется и осуществление действия, и его результат, и процесс действия, и его интерпретация [Кобозева, Лауфер 1990]: *Чтобы розовой крови связь // И травы сухорукий звон // Распростились: одна — скрепясь, // А другая — в заумный сон* («Я по лесенке приставной...», 1922). — Здесь избыточно категоризовано действие *распроститься* и его последствия *уйти в заумный сон*. В результате получилась стяженная аномальная конструкция **распроститься в сон*. Аналогичным образом в фрагменте: *Пусть люди темные торопятся по снегу // Отарю овец и хрупкий наст скрипит...* («Кому зима — арак и пунш голубоглазый...», 1922) — видим контаминацию обозначения самого действия *идти по снегу* и его интерпретации с точки зре-

ния интенсивности *торопиться*. «На выходе» получается аномальное представление структуры события *торопиться* с избыточно вербализованным актантом 'среда действия' *по снегу* — **торопиться по снегу*.

В заключение выскажем несколько предположений о художественных функциях рассмотренных лингвокреативных механизмов языковой аномальности. Прагматические функции языковых аномалий в языке поэзии О. Мандельштама состоят в установке на разрушение автоматизма восприятия, на неконвенциональное употребление узуальных единиц и моделей языка, на «нарушение читательского ожидания» [Якобсон 1975]. Когнитивные функции языковых аномалий заключаются в том, что они служат единственно возможным средством концептуализации и художественного осмысления сложной и внутренне противоречивой действительности, негармоничных, болезненных состояний внутреннего мира.

Литература

Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования / Под ред. Д.С.Лихачева. М.; Л.: Наука, 1990. С. 50–71.

Апресян Ю.Д. Тавтологические и противоречивые аномалии // Апресян Ю.Д. Избранные труды: В 2 томах. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 622–628.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 574 с.

Кобозева И.М., Лауфер Н.И. Языковые аномалии в прозе А. Платонова через призму процесса вербализации, // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста: Сб. научн. трудов / ИЯ АН СССР / Отв.ред. Н.Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 194–224.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. М.: Едиториал, 2004. 356 с.

Ларин Б.А. Эстетика слова и язык писателя. Л.: Художественная литература, 1974. 288 с.

Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта; Наука, 2012. 320 с.

Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: Материалы XV Международной научной конференции / Под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна; Арзамасский филиал ННГУ. Арзамас–Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49–54.

Радбиль Т.Б. Культурная апроприация заимствований в свете теории языковой концептуализации мира // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2017. Т. 13. С. 107–115.

Радбиль Т.Б. Лингвокреативный потенциал ценностных аномалий в художественной речи // Русский язык в поликультурном мире: V Международный симпозиум (8–12 июня 2021 г.): Сб. науч. статей. В 2-х т. / Отв. ред. Е.Я. Титаренко. Симферополь: Издательский дом КФУ, 2021. Т. 1 с. С. 205–211.

Радбиль Т.Б. и др. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект» / Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, И.В. Палоши // Научный диалог. 2021. № 1. С. 63–79.

Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллект. монография /Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Е.В. Щеникова, Н.А. Бакич, В.А. Торопкина, Е.А. Жданова; под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018. 232 с.

Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

REFERENCES

Apresyan YU.D. YAzykovye anomalii: tipy i funkcii // Res Philologica: Filologicheskie issledovaniya / Pod red. D.S.Lihacheva. M.; L.: Nauka, 1990. S. 50–71.

Apresyan YU.D. Tavtologicheskie i kontradiktornye anomalii // Apresyan YU.D. Izbrannye trudy: V 2 tomah. M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1995. T. II: Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya. S. 622–628.

Bulygina T.V., SHmelev A.D. YAzykovaya konceptualizaciya mira (na materiale russkoj grammatiki). M.: YAzyki russkoj kul'tury, 1997. 574 s.

Kobozeva I.M., Laufer N.I. YAzykovye anomalii v proze A. Platnova cherez prizmu processa verbalizacii, // Logicheskij analiz yazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta: Sb. nauchn. trudov / IYA AN SSSR / Otv.red. N.D. Arutyunova. M.: Nauka, 1990. S. 194–224.

Kustova G.I. Tipy proizvodnyh znachenij i mekhanizmy yazykovogo rasshireniya. M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 472 s.

Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metaforы, kotorymi my zhivem: Per. s angl. M.: Editorial, 2004. 356 s.

Larin B.A. Estetika slova i yazyk pisatelya. L.: Hudozhestvennaya literatura, 1974. 288 s.

Radbil' T.B. YAzykovye anomalii v hudozhestvennom tekste: Andrej Platonov i drugie. 2-e izd., stereotip. M.: Flinta; Nauka, 2012. 320 s.

Radbil' T.B. «Precedentnye imena» kak elementy «yazyka kul'tury» // Onomastika Povolzh'ya: Materialy XV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii / Pod red. L.A. Klimkovej, V.I. Supruna; Arzamasskij filial NNGU. Arzamas–Sarov: Inter-kontakt, 2016. S. 49–54.

Radbil' T.B. Kul'turnaya apropiaciya zaimstvovanij v svete teorii yazykovoj konceptualizacii mira // Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova. 2017. T. 13. S. 107–115.

Radbil' T.B. Lingvokreativnyj potencial cennostnyh anomalij v hudozhestvennoj rechi // Russkij yazyk v polikul'turnom mire: V Mezhdunarodnyj simpozium (8–12 iyunya 2021 g.): Sb. nauch. statej. V 2-h t. / Otv. red. E.YA. Titarenko. Simferopol': Izdatel'skij dom KFU, 2021. T. 1 s. S. 205–211.

Radbil' T.B. i dr. Aktivnye processy v leksike i slovoobrazovanii russkogo yazyka epohi koronavirusa: lingvokognitivnyj aspekt» / T.B. Radbil', L.V. Raciburskaya, I.V. Paloshi // Nauchnyj dialog. 2021. № 1. S. 63–79.

Sociokul'turnye i pragmaticheskie aspekty sovremennyh slovoobrazovatel'nyh processov: kollekt. monografiya /T.B. Radbil', L.V. Raciburskaya, E.V. SHCHenikova, N.A. Bakich, V.A. Toropkina, E.A. ZHDanova; pod red. L.V. Raciburskoj. M.: FLINTA: Nauka, 2018. 232 s.

YAkobson R.O. Lingvistika i poetika // Strukturalizm: «za» i «protiv»: Sb. statej. M.: Progress, 1975. S. 193–230.

©Радбиль Т.Б., 2022

Радбиль Тимур Беньюминович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижегород, Россия).

Адрес: 603163, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Александра Хохлова, д. 1.

E-mail: timur@radbil.ru

Radbil Timur Benyuminovich – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, National Research N.I. Lobachevsky State University of Nizhny (Nizhny Novgorod, Russia)